

Л.И. Петражицкий

**О мотивах человеческих поступков, в
особенности об этических мотивах и их
разновидностях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Л11

Л11 **Л.И. Петражицкий**
О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях / Л.И. Петражицкий –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 80 с.

ISBN 978-5-458-54910-3

ISBN 978-5-458-54910-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. О мотивахъ нашихъ поступковъ.

Если, исходя изъ традиціоннаго трехчленнаго дѣленія элементовъ нашей психической жизни— „познаніе, чувство, воля“, мы оставимъ въ сторонѣ „познаніе“ (ощущенія и представленія) и, относительно чувства и воли, замѣтимъ, что „чувство“ означаетъ пассивное, страдательное состояніе (психологи обыкновенно опредѣляютъ понятіе чувства указаніемъ на то, что сюда относятся различные виды наслажденія и страданія, удовольствія и неудовольствія); что, напротивъ того, волевые явленія, стремленія образуютъ нѣчто по природѣ активное, то можно обнаружить и доказать, что существуютъ психическія явленія, которыя (не будучи познавательными явленіями, представленіями, ощущеніями и т. д.) не подходятъ ни подъ категорію чувствъ, ни подъ категорію явленій воли, а требуютъ особаго мѣста въ научной классификаціи и особой теоріи.

Эти самостоятельные психическіе акты по природѣ своей двусторонни. Съ одной стороны, они состоятъ въ страдательномъ, пассивномъ переживаніи, въ „*pati*“, съ другой, въ позывѣ, въ активномъ стремленіи (*agere, movere*), и могутъ быть характеризованы какъ двигательныя (моторныя) раздраженія, или какъ импульсивныя возбужденія.

Такой именно двусторонній характеръ обнаруживаютъ, напримеръ, явленія голода, жажды, полового возбужденія. Существо психическаго явленія, которое называется голодомъ, состоитъ въ

своеобразномъ пассивномъ претерпѣваніи и въ то же время въ активномъ стремленіи, въ „аппетитѣ“ (appetitus). Притомъ, своеобразнаго *raté* голода отнюдь нельзя смѣшивать съ „чувствомъ“, страданіемъ (неудовольствіемъ). Наблюдаемая, при извѣстныхъ условіяхъ, вмѣстѣ съ голодомъ чувства страданія суть явленія сопутствующія, къ психологическому составу голода, какъ такового, вообще не относящіяся и имѣющія особыя причины патологическаго характера. Нормальный, умѣренный и здоровый голодъ сопровождается чаще чувствами удовольствія, чѣмъ страданія (сравни пожеланіе „хорошаго аппетита!“). Господствующая въ настоящее время теорія голода, согласно которой голодъ есть чувство страданія, заключаетъ въ себѣ два существенныхъ недоразумѣнія: 1) она отдѣляетъ аппетитъ отъ голода, т. е. игнорируетъ активную сторону явленія; 2) она смѣшиваетъ испытываемое при голодѣ пассивное переживаніе, характерное для голода *raté*, отличное отъ чувства въ научно-техническомъ смыслѣ, съ явленіями, могущими сопутствовать голоду, но для послѣдняго не существенными.

Аналогична природа жажды. И здѣсь мы наблюдаемъ тоже пассивно-активное явленіе, только съ инымъ оттѣнкомъ пассивной стороны и съ другимъ направленіемъ стремленія — позыва (appetitus'a).

Точно также, существо явленія, которое мы назвали половымъ возбужденіемъ, никоимъ образомъ не исчерпывается специфическимъ стремленіемъ (ср. нѣмецкое „Geschlechts-trieb“), но и здѣсь имѣетъ мѣсто двусторонній пассивно-активный актъ. И здѣсь, точно также какъ и въ психическихъ явленіяхъ голода и жажды, мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло и съ пассивнымъ моментомъ, со своеобразнымъ *raté*.

То же путемъ самонаблюденія можно доказать относительно страха, отвращенія, омерзѣнія и безчисленнаго количества другихъ психическихъ актовъ, съ особыми именами въ обыденной рѣчи или безъ таковыхъ. Страху, отвращенію, омерзѣнію, точно также какъ и голоду, наряду съ пассивными моментами различныхъ от-

тѣнковъ, свойственны активныя моменты позыва, разнообразныя импульсивныя, двигательныя тенденціи. Но послѣднія въ явленіяхъ страха, отвращенія, омерзѣнія не имѣютъ притягательнаго (импульсивнаго, подталкивающаго) характера, какъ въ голодѣ, жаждѣ, половомъ возбужденіи; ихъ природа, такъ сказать, отталкивающа (репульсивна).

Двусторонніе психическіе акты вышеуказаннаго типа мы объединяемъ въ особый классъ и называемъ ихъ возбужденіями, побужденіями, или эмоціями. „Эмоціи“, въ нашемъ смыслѣ, нужно, стало бѣть, строго различать отъ „чувствъ“ въ техническомъ смыслѣ.

Эмоціи мы считаемъ истинными мотивами, двигателями нашего поведенія.

Согласно традиціоннымъ и господствующимъ воззрѣніямъ, мотивы человѣческихъ поступковъ *всегда* сводятся къ удовольствію или неудовольствію (Lust—Unlust), или къ представленіямъ будущихъ возможныхъ наслажденій или страданій: стремленіе къ наслажденію, къ счастію, избѣганіе страданій—таковъ общій законъ человѣческаго поведенія (гедонистическія теоріи).

По нашему убѣжденію дѣйствительныя двигатели нашихъ поступковъ *никогда* не состоятъ въ указанныхъ (гедонистическихъ) факторахъ, они состоятъ въ эмоціяхъ въ условленномъ выше смыслѣ.

Что касается представленій удовольствія, какъ послѣдствія нашего поведенія, то эти представленія, даже когда они имѣются на лицо, вообще не играютъ роли въ процессѣ мотивации, если они (какъ это сплошь и рядомъ бываетъ) не приводятъ насъ въ эмоціональное движеніе, если мы остаемся по отношенію къ нимъ равнодушными, апатичными въ эмоціональномъ смыслѣ. Они могутъ даже дѣйствовать на насъ отталкивающимъ образомъ, т. е. могутъ вызывать моторныя раздраженія отталкивающаго типа (отвращеніе, омерзѣніе и т. п.) и, такимъ образомъ, вліять на наше поведеніе въ направленіи, прямо противоположномъ тому, какое, согласно гедонистическимъ теоріямъ, является всеобщимъ

закономъ (они могутъ косвенно обусловливать антигедонистическое поведеніе). И только въ тѣхъ случаяхъ, когда появляются притягательныя, аппульсивныя эмоціи, направленныя своею активной стороной на соотвѣтственное удовольствіе, имѣетъ мѣсто „стремленіе къ достиженію удовольствія“. Но и въ послѣднемъ (3-мъ) случаѣ двигателями поведенія являются не представленія гедонистическихъ цѣлей, какъ таковыя, а именно—притягательныя, аппульсивныя эмоціи.

То же можно *mutatis mutandis* сказать о представленіяхъ будущихъ страданій. Ихъ роль въ мотиваціонномъ процессѣ сводится къ нулю, если они не вызываютъ эмоцій; ими (посредственно) обусловливаются антигедонистическіе поступки, т. е. такіе поступки, которые прямо направлены на достиженіе страданія, если они вызываютъ притягательныя (аппульсивныя) эмоціи и т. д.

То же относится и къ настоящимъ удовольствіемъ, наличнымъ наслажденіямъ и страданіямъ. Роль переживаемаго въ данный моментъ удовольствія или неудовольствія можетъ равняться нулю въ мотиваціи нашего поведенія, если оно не вызываетъ ни притягательныхъ, ни отталкивающихъ эмоцій и т. д.

По сколько, все-таки, представленія будущаго наслажденія могутъ имѣть косвенное значеніе въ мотиваціонномъ процессѣ, вызывая притягательныя или отталкивающія эмоціи и становясь цѣлью нашихъ поступковъ, имъ, однако, вовсе не принадлежитъ монополія играть роль такихъ цѣлевыхъ представленій. Вслѣдствіе рѣшающаго значенія эмоцій въ мотиваціонномъ процессѣ, всѣ возможныя представленія о послѣдствіяхъ нашего поведенія могутъ играть совершенно такую же роль въ мотиваціи и точно также могутъ стать цѣлевыми представленіями, какъ и представленія гедонистическаго содержанія. Сюда относятся прежде всего различныя представленія пользы и вреда (утилитарныя представленія, которыхъ нельзя смѣшивать съ гедонистическими); сюда же принадлежатъ различныя представленія чисто объективныхъ послѣдствій, напр., разныхъ техническихъ, научныхъ эффектовъ и т. п.

(безъ примѣси представленій удовольствія или пользы для насъ или для другихъ). Эти виды представленій тоже могутъ вызывать аппульсивныя или репульсивныя эмоціи, и такъ какъ они ихъ дѣйствительно сплошь и рядомъ вызываютъ, то и они могутъ опредѣлять наше поведеніе точно такъ же, какъ и представленія гедонистическія и утилитарныя.

Но и относительно всѣхъ вообще представленій послѣдствій нашихъ поступковъ можно замѣтить, что имъ не принадлежитъ монополіи вызывать притягательныя и отталкивающія эмоціи и такимъ образомъ опредѣлять наше поведеніе. Существуетъ много другихъ представленій, которыя дѣйствуютъ точно такимъ же образомъ, и кромѣ телеологической мотиваціи (мотиваціи съ цѣлевыми представленіями гедонистическаго, антигедонистическаго, утилитарнаго, антиутилитарнаго и иного содержанія), существуютъ другіе виды мотивацій, состоящихъ изъ представленій и эмоцій.

Здѣсь насъ интересуеетъ преимущественно одинъ изъ видовъ этихъ комбинацій, а именно: та категорія мотивовъ поведенія, для которой характерна непосредственная связь между представленіями извѣстныхъ поступковъ и направленными на нихъ эмоціями.

Представленія извѣстныхъ поступковъ, напр., представленія „измѣны“, „лжи“, „обмана“, „ложнаго доноса“, „убійства“, „клеветы“, ассоціированы въ нашей психикѣ съ отталкивающими эмоціями. Если бы, напр., намъ предложили принять участіе въ обманѣ, сказать ложь (напр., за деньги) или т. п., мы пережили бы душевное состояніе, похожее на то, какъ если бы намъ предложили сѣсть гнилой кусокъ мяса, схватить паука или змѣю и т. п.; мы пережили бы въ нормальныхъ случаяхъ отталкивающія эмоціи, репульсивныя, отталкивающія моторныя раздраженія.

Представленія другихъ поступковъ и видовъ поведенія, напр., „милосердія“, „кротости“, „вѣрности“, „правдивости“ и т. п. ассоціированы въ нашей психикѣ съ эмоціями, дѣйствующими при-

тягательно, аппульсивно, подобно тѣмъ эмоціямъ, которыя вызываетъ въ насъ видъ чистаго и хорошаго напитка, вкуснаго блюда (при наличности жажды, голода).

Мотивацію, покоящуюся на такой непосредственной связи между представленіями тѣхъ или иныхъ поступковъ или видовъ поведенія и аппульсивными или репульсивными эмоціями, мы можемъ назвать принципіальной или самодовлѣющей мотиваціей, въ отличіе отъ цѣлевой, телеологической мотиваціи (гедонистическаго, утилитарнаго и другихъ видовъ). Сужденія и убѣжденія, въ основѣ коихъ лежатъ такія ассоціаціи представленій поступковъ и репульсивныхъ или аппульсивныхъ эмоцій, мы называемъ принципіальными практическими сужденіями и убѣжденіями; ихъ содержанія мы назовемъ принципіальными правилами поведенія (въ отличіе отъ оппортунистическихъ, утилитарныхъ, гедонистическихъ, „эпикурейскихъ“ и иныхъ правилъ цѣлесообразности) или, еще лучше, *принципами поведенія*.

II. О существѣ этической мотиваціи, этическихъ нормъ и обязанностей.

Есть нѣсколько сортовъ самодовлѣющей мотиваціи, принципіальныхъ сужденій и убѣжденій, принциповъ поведенія.

Напр., такъ наз., правила приличія (*regulae decori*) основываются на непосредственныхъ сочетаніяхъ представленій тѣхъ или иныхъ тѣлодвиженій или поступковъ и особаго рода эмоцій, которыя мы назовемъ эстетическими эмоціями. Чтобы ознакомиться съ характеромъ и (иногда непреодолимою) силою этихъ эмоцій, пусть читатель представитъ себѣ, по возможности живо, что онъ въ знакомомъ ему обществѣ произнесетъ громко нѣкоторыя считающіяся особенно „неприличными“ слова или высморкается въ скатерть, или платье сосѣдки, явится въ общество безъ нѣкото-

рыхъ „невыразимыхъ“ принадлежностей одежды или только безъ галстука, и т. п. Для истаго англичанина даже ѣсть рыбу ножомъ было бы недостижимымъ подвигомъ. Shoking! Иногда у нихъ даже въ случаѣ пари не хватаетъ силы воли, чтобы преодолѣть извѣстныя эстетическія, удерживающія отъ разныхъ „неприличій“, эмоціи, сдѣлать условленное и выиграть такимъ образомъ пари. Всѣ нѣсколькихъ сотъ фунтовъ стерлинговъ (сила соотвѣтственной аппетитивной эмоціи) + давленіе эмоціи тщеславія (соотвѣтственнаго стремленія доказать свое мужество, удивить другихъ, поставить на своемъ) могутъ иногда оказаться недостаточными, чтобы преодолѣть силу сопротивленія отталкивающей эстетической эмоціи, ассоціированной съ представленіемъ такихъ мелочей, какъ совершеніе извѣстныхъ, въ существѣ безвредныхъ, тѣлодвиженій, произнесеніе извѣстныхъ словечекъ въ дамскомъ обществѣ и т. п.

Если принять во вниманіе такіе психологическіе факты, то уже аргіюгѣ весьма вѣроятно и естественно, что съ представленіями болѣе серьезныхъ „грѣховъ“, чѣмъ, напр., появленіе въ обществѣ безъ галстука, напр., съ представленіемъ братоубійства или просто убійства, грабежа, мошенничества, подлога, ложнаго доноса и т. п. тоже бываютъ у людей связаны такія репульсивныя, отталкивающія эмоціи, которыя (совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было гедонистическихъ, утилитарныхъ и иныхъ соображеній цѣлесообразности) являются болѣе или менѣе серьезнымъ, а иногда совершенно непреодолимымъ психическимъ препятствіемъ для совершенія соотвѣтствующихъ дѣйствій. Если психологи, философы, моралисты, юристы и т. п. полагаютъ, что нѣтъ поступка безъ гедонистическихъ или утилитарныхъ мотивовъ, то это несомнѣнное и весьма существенное заблужденіе.

Какъ я уже сказалъ, есть нѣсколько сортовъ принципіальной мотиваціи. Насъ интересуеѣ здѣсь спеціально одинъ изъ видовъ этой мотиваціи, а именно—тотъ, въ которомъ имѣется на лицо сочетаніе представленій такихъ или иныхъ поступковъ съ весьма

своеобразными и заслуживающими серьезнѣйшаго вниманія эмоціями, которыя мы назовемъ этическими эмоціями, или эмоціями долга и которыя отличаются слѣдующими характерными особенностями.

1. Соотвѣтствующія моторныя возбужденія и понуканія имѣютъ особый мистическо-авторитетный характеръ; они противостоятъ и оказываютъ сопротивленіе другимъ нашимъ эмоціональнымъ движеніямъ, аппетитамъ, стремленіямъ, вожделѣніямъ, какъ импульсы съ высшимъ ореоломъ и авторитетомъ, исходяціе, какъ бы, изъ невѣдомаго, отличнаго отъ нашего обыденнаго я, таинственнаго источника (мистическая, не чуждая оттѣнка боязни окраска). Человѣческая рѣчь, поэзія, мифологія, религія, метафизическія философскія системы... отражаютъ, перетолковываютъ и переводятъ эти характерныя свойства этическихъ эмоцій на языкъ представленій въ томъ направленіи и смыслѣ, что наряду съ нашимъ „я“ имѣется въ такихъ случаяхъ на лицо еще другое существо; какой-то голосъ обращается къ намъ, говоритъ намъ (со-вѣсть, *con-scientia*, *Ge-wissen*, голосъ совѣсти, слушаться, бояться совѣсти и т. п. „демонъ“ Сократа—метафизическое „я“ Канта); этотъ говорящій нашему „я“ голосъ представляется исходящимъ отъ высшаго существа; религіозная психика народовъ приписываетъ этотъ голосъ богамъ, монотеистическія религіи Богу, метафизическая философія создаетъ ему метафизическія олицетворенія („природа“, „разумъ“, „воля“, какъ метафизическія существа, „объективный духъ“ и т. д. и т. д.); позитивистическая и скептическая психика тѣхъ, которые хотятъ оставаться чуждыми всякому мистицизму, создаетъ все же для него мистическія олицетворенія: „народный духъ“, „общая воля“ нѣкоторыхъ современныхъ юристовъ и моралистовъ, „инстинктъ рода“ и т. п., при чемъ „родъ“, „общая воля“ представляются чѣмъ-то, надѣленнымъ высшимъ авторитетомъ и стоящимъ надъ индивидомъ и надъ индивидуальной волей, и т. д.

2. Характерно далѣе для интересующаго насъ спеціального вида эмоцій то ихъ свойство, что онѣ переживаются какъ внут-

рення помѣха свободѣ, какъ своеобразное препятствіе для свободного облюбованія, выбора и слѣдованія нашимъ склонностямъ, желаніямъ, цѣлямъ и какъ твердое и неуклонное давленіе въ сторону того поведенія, съ представленіемъ о которомъ соединяются соотвѣтствующія эмоціи. Эта характерная особенность этическихъ эмоцій въ обыденной рѣчи, поэзіи, мифологіяхъ, религіяхъ, философіяхъ, словомъ при переводѣ на языкъ представленій, получаетъ такой обликъ, что внутренній голосъ, или высшее существо, которое говоритъ намъ, обращается къ намъ не съ *советами*, просьбами и т. п., а съ *приказаніями*, „категорическими“ предписаніями. Не только въ обыденной рѣчи, но и въ философіи, въ наукахъ о правѣ и о морали всегда говорятъ о „запретахъ“ и „предписаніяхъ“; „воля“, которая сюда привносится путемъ разныхъ фикцій, представляется въ качествѣ предписывающей, приказывающей воли; метафизическое „я“ („умопостигаемый характеръ“ въ философіи Канта) обращается къ нашему эмпирическому „я“ съ „категорическимъ императивомъ“ и т. д. Тѣхъ, къ кому, въ нашемъ представленіи, обращаются такого рода высшія предписанія, мы представляемъ себѣ находящимися въ особомъ состояніи „связанности“. Отсюда слова, выражающія это состояніе „связанности“: „мы обязаны“ (обязаны), „обязанность“, „обязательство“, „obligare“, „obligatio“, „Verbindlichkeit“. Противоположный образъ дѣйствія представляется намъ какъ нарушеніе, разрывъ связи, или переступленіе преграды и т. п., отсюда „преступленіе“, „нарушеніе долга“ (Pflichtverletzung) и т. д.

Приведенныя образныя выраженія, народныя воззрѣнія и философскія конструкціи не содержатъ научнаго анализа и теорій интересующихъ насъ психическихъ явленій, но они весьма поучительны и характерны, какъ эхо и отраженіе своеобразной природы эмоцій долга, которыя оказываютъ особаго рода давленіе не только на поведеніе, но и на фантазію, на міръ представленій и ихъ образованія и сочетанія.

Принципіальную мотивацію, покоящуюся на сочетаніи обра-

зовъ поведенія съ охарактеризованными выше репульсивными или аппульсивными эмоціями, мы назовемъ этической, или авторитетно-императивной мотиваціей, а соотвѣтственные принципы поведенія—этическими принципами, или нормами.

Поскольку въ основаніи этическихъ актовъ сознанія лежатъ болѣе или менѣе твердыя и устойчивыя ассоціаціи представленій поведенія съ репульсивными и аппульсивными этическими эмоціями, въ нашей психикѣ при появленіи соотвѣтствующихъ представленій поведенія обыкновенно пробуждаются и начинаютъ дѣйствовать и соотвѣтствующія эмоціи. Напримѣръ, когда мы представляемъ себѣ картину убійства, измѣны или т. п., то тотчасъ же возникаютъ ассоціированныя съ нею авторитетно-репульсивныя эмоціональныя возбужденія. Этотъ психическій фактъ имѣетъ великое значеніе для человѣческаго поведенія (которое имѣетъ такимъ образомъ многочисленныхъ авторитетныхъ стражей, тотчасъ же выступающихъ на сцену, когда въ нихъ появляется необходимость) и объясняетъ много другихъ интересныхъ явленій этики.

Здѣсь отмѣтимъ лишь слѣдующее:

1. Такъ какъ съ извѣстными представленіями поведенія ассоціированы авторитетныя побужденія и съ появленіемъ въ сознаніи первыхъ появляются въ сознаніи и дѣйствуютъ также и послѣднія, то мы приписываемъ себѣ соотвѣтствующія обязанности не только по отношенію къ настоящему времени, но и относительно прошлаго и будущаго времени. Такъ какъ, напр., представленія „лжи“, „обмана“ и т. п. и тогда вызываютъ ассоціированныя съ ними авторитетно-репульсивныя, отталкивающія эмоціи, когда мы относимъ эти представленія къ болѣе или менѣе отдаленному будущему или прошлому, напр., если они всплываютъ какъ воспоминанія о поступкахъ, совершенныхъ нами въ прошломъ, то соотвѣтственную обязанность и предосудительность ея нарушенія мы относимъ, проектируемъ и на то время. Этимъ, между прочимъ, объясняются, такъ называемыя, угрызенія совѣсти (отъ Эринній нельзя укрыться, онѣ безжалостно преслѣдуютъ и мучатъ преступника, куда бы онъ ни пытался бѣжать).